

Песни Вертинского

«Все, что прожито и пройдено, Все тобой озарено, Милая навеки Родина, Счастья светлое окно...» Старые пластинки сохранили для нас голос Александра Вертинского, в песнях которого нам слышатся живые отзвуки прошлого. И все же каждая из мелодий не только документ своего времени, но и достояние дня сегодняшнего. Именно поэтому творчество Вертинского привлекает многих и в наши дни.

— Моя первая встреча с Вертинским произошла в Чите, — говорит Михаил Бродский, друг Вертинского и его партнер по концертной эстраде. — В начале войны Ленинградская консерватория, в которой я преподавал, эвакуировалась в Ташкент. Однажды в октябре 1943 года в составе концертной бригады я попал в Читу, где было запланировано несколько выступлений. Там я и встретился с Вертинским. Тогда он только что вернулся на Родину из эмиграции, продолжавшейся более 25 лет, и в Чите, первом советском городе на пути его следования в Москву, предполагал дать несколько концертов. Партнера-пианиста у него не было. Работники местного управления культуры связались со мной. Должен признаться, что неохотно шел на прослушивание, — смущало то, что несколькими моими предшественниками Вертинский остался недоволен. К тому же основу концертного репертуара, который я исполнял, составляла классика. И вот — первая репетиция. Я пришел в театр чуть раньше назначенного, но Вертинский был уже там. Он поставил на пюпитр рояля ноты. Мы начали. Прошли одну песню, другую, третью... Он делал какие-то замечания по поводу характера испол-

нения, но немногочисленные. И через некоторое время, прервав репетицию, объявил присутствующим в зале работникам управления культуры: «Назначайте концерты — я нашел пианиста!» Вот так неожиданно решилась моя судьба. За 14 лет совместных выступлений мы объехали почти всю нашу необъятную страну. Огромный успех, принимали нас очень тепло. Вертинского любили. Выступлений ждали с нетерпением. Атмосферу благой тишины, царившую в зале, когда он пел, забыть невозможно... Я благодарен судьбе, подарившей мне возможность творческого общения с этим замечательным артистом.

— За несколько дней до нашей встречи я просматривала немногочисленные статьи о Вертинском, беседовала с теми, кто не раз бывал на его концертах. По общему мнению, он никогда не обладал исключительными вокальными данными, и пение его скорее представляло собой декламацию...

— Да, строго говоря, его манера была далека от пения как такового. Импульсом к созданию образа для него всегда служило слово. Но артисту удавалось добиться органичного слияния музыки и поэтического текста. Я много раз наблюдал, как буквально с первых минут выступления он подчинял себе зал. Однажды он вдруг сказал: «Миша, я же знаю, голос у меня небольшой, несильный...» «Если бы вы обладали большим голосом, то не были бы Вертинским!» — ответил я. Александр Николаевич помолчал, а потом вспомнил интересный случай.

После одного из выступлений Вертинского Ф. И. Шаляпин, часто бывавший на его концертах, вдруг обратился к артисту с неожиданной просьбой: «Саша, я хочу

выучить твой «Прощальный ужин». Александр Николаевич тут же достал ноты и передал их Шаляпину. А дней через 10 в квартире Вертинского раздался телефонный звонок. «Знаешь, Саша, ну тебя с твоим «Прощальным ужином», — услышал Вертинский голос Шаляпина. — Ничего у меня не выходит с моим голосиной!..»

Кстати, в кабинете Александра Николаевича всегда висел огромный портрет Шаляпина с надписью «Дорогому Саше».

— Вы коснулись интереснейшей темы. Пожалуйста, расскажите о творческих контактах Вертинского.

— О, они были обширны. Многолетняя дружба связывала его с Шаляпиным. В его доме часто бывал Иван Мозжухин, «король» немого кино. Встречался Вертинский и с Сергеем Васильевичем Рахманиновым, дочери которого были его большими поклонницами. Когда знакомишься с материалами биографии артиста, видишь, что несмотря на огромное признание, творчество Вертинского довольно долго признания официального почти не удостоивалось — критики единодушно хранили «обет молчания», да и звание лауреата Государственной премии ему присуждено за одну из актерских работ. По этому поводу вспоминается забавный случай. Как-то пригласили Вертинского зайти в Министерство культуры для заполнения необходимых документов. Среди прочих в анкете была и графа «звания». Услышав, что никаких званий у Вертинского нет, секретарша, заполнявшая анкету, очень удивилась. «Ах, душенька, — воскликнул Александр Николаевич в ответ на ее недоуменный

взгляд, — у меня, кроме мирового имени, ничего нет!». И это было истинной правдой. Вертинский действительно объехал весь мир, и всюду выходили его пластинки, везде его ждал успех.

— Каким был круг творческих пристрастий Вертинского?

— Он очень любил поэзию. Стихи Иннокентия Анненского, Александра Блока, Игоря Северянина, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Сергея Есенина знал великолепно. Даже находясь в эмиграции, он читал все, что создавалось лучшими советскими поэтами. Обладал замечательной памятью, позволявшей ему читать наизусть огромное количество стихов поэтов разных школ, направлений. Мне иногда казалось — целой жизни мало, чтобы рассказать все, о чем он помнил, знал.

— Что, по вашему мнению, питало его эстетичность, повлияло на формирование явления, которое впоследствии получило название «феномен Вертинского»?

— Видите ли, творчество артиста объединило сразу несколько жанров — музыку, театр, поэзию. В каждой из сфер он был превосходен. Именно в этом многообразии, по-моему, и заключен ответ на ваш вопрос.

— Мы хорошо представляем себе творческий облик артиста. А каким он был в жизни?

— Одна из самых привлекательных черт характера Александра Николаевича — доброта: он всегда был готов прийти на помощь, если чувствовал, что кто-то нуждается в его поддержке. Проявление снобизма, тщеславия было ему глубоко чуждо.

Беседу вел
И. БЕЛЬСКАЯ.

НА СНИМКЕ: А. Н. Вертинский. 1950 г.

